Он одет так, как я люблю больше всего: обычные черные брюки и свободная белая футболка. Ни маски, ни перчаток, ни оружия, ни протектора на лбу.

Его глаза путешествуют по моему телу, и он хмурится, когда видит, какое короткое у меня кимоно. Выражение его лица меняется, когда он видит мою травмированную ногу. Он ничего не говорит, лишь просто входит в квартиру, закрывает дверь и идет в ванную. Когда он возвращается, он держит в руках бинты и влажную ткань. Какаши становится передо мной на колени, затем берет мою раненую ступню и осторожно вытирает тканью кожу, смывая кровь. Он закутывает ее в бинты, но не слишком туго, чтобы не причинить мне боли, а затем бросает мокрую окровавленную ткань в сторону мусорного ведра. Я с изумлением слежу за каждым его движением, потому что никогда бы не подумала, что наша первая встреча после обещанного месяца будет такой... Я даже не знаю этого слова. Это просто заставляет меня чувствовать, что мы не перестали видеться в последние недели, потому что месяц еще не прошел. Что напоминает мне...

— Ты на неделю раньше. Не то чтобы я считала дни или что-то в этом роде. — Продолжай говорить, сучка, выставь себя полной дурой. Я просто буду винить саке в том, что оно внутри моей системы, а не в том, что оно действительно влияет на меня. Мое тело обладает такой высокой устойчивостью к ядам, что я даже не могу нормально напиться. У меня уже пять минут просто кружится голова, и все.

Он хихикает, и у меня возникает внезапное желание дать ему пощечину, но я не думаю, что это мне слишком поможет. Когда он обнимает мои ноги и кладет голову мне на колени, весь мой гнев улетучивается. Прежде чем я успеваю осознать это, мои пальцы зарываются в его волосы, запутываясь в них.

— Я скучал по тебе больше, чем ты можешь себе представить, — говорит он, и его голос приглушается моими ногами. Я напрягаюсь, и он поднимает голову. — С днем рождения, любимая. Наверное, мне следовало начать с этого. И поздравляю со становлением чунином. Тебе понравился мой подарок? — Я прячу руку, в которой держу ожерелье, за спиной, и его глаза следят за моими движениями.

— Нет, — отвечаю я, пытаясь говорить вызывающе, но мой голос немного дрожит. Он никогда раньше не называл меня 'любимой'.

— Ты все еще хочешь меня? — спрашивает он, затем целует меня в левое бедро.

Я сжимаю губы, пытаясь выглядеть невозмутимой. Я знаю, что хотела повздорить с ним из-за чего-то, но не могу думать, когда его губы касаются моего тела. Я не хочу быть легкой добычей, поэтому думаю о том, что может полностью меня вывести: о самодовольном лице Шизуне, когда она протянула мне бронежилет. Я ставлю правую ногу ему на грудь и немного отталкиваю.

— На этот раз твоя долбаная очередь говорить, Какаши. Надеюсь, ты использовал эти недели, чтобы привести свои мысли в порядок. К какому выводу ты пришел?

Его рука спускается к моей ступне и слегка сжимает ее.

— Язык. Разве это не очевидно?

— Нет. — Я хочу услышать, как он это скажет, раз и навсегда. Я сказала ему, что люблю его во время войны, и если он пришел сюда для отношений без обязательств, я вышвырну его за дверь и уйду в убежище Орочимару. Ага, я бы побежала домой поплакать на руках у папы, какие-то проблемы?!

Он молчит. Конечно, он молчит, это его чертова суперспособность. Я хочу биться головой о стенку до тех пор, пока я не потеряю сознание или стена не сломается.

— Я не умею говорить, — пытается он, но со мной это не пройдет.

— Ради бога, просто скажи это наконец!

Я хочу это услышать и покончить с этим, потому что я уже потеряла всякую надежду. Легко сказать кому-то, что любишь его, - это сложно, только когда ты хочешь отвергнуть его чувства, но все равно чего-то от него хочешь. Это должно быть так.

— Я действительно думал об этом, и я попытался быть ответственным взрослым в этой ситуации и положить этому конец ради тебя, потому что я действительно думаю, что ты была бы счастливее с кем-то моложе меня, но...

Он снова перестает говорить, и я рычу, затем хватаю его за рубашку и начинаю трясти.

— Ты убиваешь меня, я даже не знаю достаточно ругательных слов, чтобы выразить свои чувства прямо сейчас! Заканчивай свою гребаную фразу, или я вырву тебе язык.

Этот придурок начинает смеяться - настоящий громкий смех, от которого на глазах выступают слезы, а не просто его обычный смех. Я скоро спрыгну с балкона, и все будет кончено, все в порядке!

— Я люблю даже твой грязный рот, — говорит он, вытирая слезы. — Извини, но я не могу тебя отпустить. Никогда в жизни. Я даже не могу подумать о тебе с кем-то другим, потому что ты должна быть моей. Не думаю, что когда-нибудь смогу выразить словами, как сильно я тебя люблю.

— Я хочу выбить тебе зубы прямо сейчас. Ты сделал это специально, идиот. — Я перестаю его трясти.

—У меня была серьезная внутренняя борьба, и я просто пытался выразить ее словами.

Я приподнимаю бровь.

— Внутренняя борьба. После того, как я сказала тебе посреди долбанной войны, что люблю тебя.

— Язык, — начинает он, но мои губы уже требуют его. У этого человека была внутренняя борьба. Я завидовала Шизуне. Два идиота.

Он засовывает пальцы в мои волосы, запрокидывая мою голову назад, затем углубляет поцелуй. Я кладу руки ему на пресс под рубашку и подталкиваю их вверх, одновременно поднимая его футболку. Какаши прерывает поцелуй, чтобы я могла снять с него рубашку, затем толкает меня на кровать. Он раздвигает мои бедра руками и, кажется, доволен, когда узнает, что под шелковым кимоно ничего нет.

Он покрывает поцелуями мои бедра, одно за другим, не торопясь, затем внезапно вонзается зубами в чувствительную кожу внутренней части моего бедра, кусая так сильно, что оставляет след. Один раз он облизывает мой клитор, затем переходит к моей левой бедренной кости, нежно целуя кожу, а затем кусает ее. Я бьюсь под ним и дергаю за волосы; все эти движения сводят меня с ума.

Он развязывает мое кимоно, снимает его, затем целует меня до груди. Я засовываю ноги за его спину, приближая его тело к себе, и стону, когда его губы смыкаются вокруг моего соска.

Когда он кусает мягкую кожу левой груди, я кричу. Я выкрикиваю его имя и несколько непонятных слов, - что-то вроде «пожалуйста» и «ты мне нужен», но он полон решимости оставить следы на моем теле.

Когда он наконец достигает моего рта, я зажимаю его нижнюю губу зубами и прикусываю. Жестко. Сильно. Из его горла вырывается рычание, и он хватает мои руки, прижимая их к кровати над головой. Он немного опускает штаны, затем одним быстрым движением входит в меня, сильно и быстро толкая. Он зарывается лицом мне в шею, целует и кусает кожу, оставляя следы по всей правой стороне моей шеи.

Я выгибаюсь под ним, встречая каждое его движение.

— Сильнее, — умоляю я его между стонами. Я близко - очень близко. Он отпускает мои руки, и я немедленно кладу их ему на лопатки, впиваясь ногтями в его плоть. Я снова выкрикиваю его имя, когда волны удовольствия становятся невероятно сильными. Я достигаю кульминации, и он поддерживает темп, пока тоже не кончает.

Десять минут спустя я снова стону и хнычу, когда он прижимает меня к стене, входя в меня сзади. Обжигающе горячая вода заливает нас и в ванной поднимается пар. Он водит по моему телу руками, поддерживая мой вес, потому что я чувствую, что мои ноги откажут в любую минуту.

Он разворачивает меня, приподнимает спиной к стене и зацепляет мои ноги ему за спину, прежде чем снова войти в меня. На этот раз он двигается медленнее и слаще, одновременно нежно целуя мою шею и шепча мне на ухо:

— Я люблю тебя.

Самый лучший день рождения.

http://tl.rulate.ru/book/58660/1503161